

Городецкий государев кабак в XVII веке

Л.Ю. Варенцова

Единственным и универсальным питейным заведением Городца в XVII в., местом производства, продажи, распития крепких напитков (казенного вина, пива, меда) был государев кабак. Ежегодно здесь изготовлялись тысячи ведер хмельных напитков, тем самым полностью обеспечивался местный спрос на вино, и определенная сумма денег поступала в государственную казну.

Городецкий кабак размещался на торгу, на поместной земле С.Л. Стрешнева¹ и представлял собой целый комплекс построек. Во дворе возвышался деревянный дом с подвалом для хранения питья. Рядом — омшаник с печью, где ставили напитки. По соседству — ледник с надстроенным сушилом, поварня, где производились работы и стояли инструменты, а также стояльная изба — место продажи вина. Собираемые деньги относились в горницу, обустроенную над погребом².

Крепкие напитки продавались из кабака оптом и мелко. Винные амбары служили местом оптовой торговли. «Осмущечная», «пятерошная» и «корешная» избы вели продажу напитков в розницу. Для каждого рода торговли была особая посуда, для оптовой — бочки различной емкости и ведра. Ведра различались на «дворцовое» (в 16 кружек) и «кабацкое» (8-вершковое), а также по 8, 10 и 12 кружек. Для мелкооптовой продажи и потребления питей на месте имелась целая серия разнообразных сосудов: братины для товарищеской попойки, кружки — цилиндрические сосуды с рукоятями, кубки одинарные и двойные, стопы — большие высокие стаканы, достаканы — средней величины стаканы, ковши — низенькие овальные сосуды, корцы, чарки.

Цены на напитки устанавливались в кабаке в зависимости от урожая хлеба и хмеля, а также по усмотрению кабацких начальников. Тяжело отражалась на кабаке экономическая и бытовая нестабильность (неурожай, поветрия, торговый застой).

В «дешевую пору» изготовление ведра вина, по сообщению винопромышленников, обходилось в 6 алтын 1 деньгу³. В обычные годы вино ставилось по 8 алтын 2 деньга за ведро, а продавалось в корешной, пятерошной и осмущечной избах по рублю и по 26 алтын 4 деньга за ведро, а из амбара — по 16—20 алтын⁴.

О городецкой водке в шутку говорили: «На Волге вино по три деньга ведро: хоть пей, хоть лей, хоть окачивайся».

Водку называли лучшим отечественным, «добрым» вином. Вероятно, она была равноценна спирту⁵. Водка делилась на сорта: простая (слабая), двойная, тройная (вино удвоенной, утроенной крепости), крепкая, царская, настоящая с травами, ягодами, перцем (травники, наливки, перцовки). Ее изготовляли путем перегонки в кубе из заквашенного хлебного затора. При безводной чистоте она называлась алкоголем, извинью или спиртом.

Если крестьянам разрешалось варить пиво к большим праздникам, то вино было непременно покупным — кабацким. «Русские роскошны в кушаньях и любят хоро-

Варенцова Лариса Юрьевна — кандидат исторических наук, г. Нижний Новгород.

шие напитки», — писал австриец А. Лизек. По свидетельству голландского путешественника Б. Койэтта, «водка — любимейший напиток русских, который пьют все без различия, будь то мужчины или женщины, лица духовные или светские, знатные или купцы, мещане или крестьяне. Пьют ее и до, и после обеда, даже целый день кряду, вроде как у нас вино; прибавляют к ней перцу, если они больны лихорадкой, а то и просто потому, что так, по их мнению, здоровее. Простой народ так падок до вина, что часто они не только летом, но и зимой, при жестком холоде, не только пропивают свое верхнее платье, но и нижнее, даже рубаху с тела, и голышом выбегают из кабака зимой. Даже женщины из простонародья допиваются иногда до того, что оставляют платье свое под залог, и голые, вытолканные из кабака, валяются от пьянства на улице»⁶. По словам А. Олеария, «в кабак всякий желающий имел вход и пил за свои деньги водку; простой народ все, что зарабатывал, приносил в кабак и так крепко засиживался там, что пропивши заработок, снимал с себя платье, даже рубашку, и оставлял ее продавцу за водку, затем, как родился, возвращался домой»⁷.

Городецкие питухи — охотники до хмельного, приговаривали: «Как чару пьешь — другой хочется, другую пьешь — по третьей душа горит». Русский народ издавна славился любовью к попойкам. Еще князь Владимир произнес многозначительное выражение: «Руси веселие пити: не можем без того быти!» Радость, любовь, благосклонность находили свое выражение в вине.

В кабаке жалкие пьяницы пропивались до ниточки. В праздники повсюду можно было видеть людей, лежавших без чувств в грязи или на снегу. Нередко зимой они замерзали до смерти. Воры и мошенники обирали их. Таких молодцов называли «кабацкими ярыгами», у них не было ни кола, ни двора. Всеми презираемые, они постоянно толпились у кабака, униженно вымаливая у приходивших «чарочку винца Христа ради». Готовые на всякое злодеяние, составляли при случае шайку воров и разбойников.

Священнослужители осуждали «питущих людей», объясняя, что от пьяного человека удаляется ангел-хранитель, и к нему приступают бесы, что пьянство есть жертва дьяволу. «И кроткий упився согрешает, аще и спати ляжет: кроткий убо пьяница, аки болван, аки мертвец валяется, многожды бо оскверни вся и домочився смердит, егда убо кроткий пьяница в святой праздник лежит не может двинутися аки мертв, расслабив свое тело, мокр, нальваясь яко мех до горла; богобоязливым же, наслаждающим сердца в церквах пения и чтения, аки на небеси мнятся стояще; а пьяница немогий главы возвести, смрадом отрыгая от многа питья, чим есть рознь поганых»⁸, — говорили церковные проповедники. Поистине справедлива русская поговорка: «Без вина одно горе; с вином старое одно, да новых два: и пьян, и бит».

Во главе Городецкого кабака стояли кабацкий голова и два целовальника. Они выбирались на год из числа состоятельных крестьян, «из людей не обышных, добрых и прожиточных», «чтоб душею были прямы и кто б из них грамоте умел». Местный воевода следил за питейным делом, чтобы на эти должности не проходили люди ненадежные и нежелательные. Выборщикам также делались внушения: «Будет выберут воров и худых людей в государевой казне их сбору учинитца недобор, и тот недобор велим доправить вдвое на них, на посадских и на уездных людях (выборщиках), да им же от нас быти в великой опале»⁹.

Целовальники выбирались из людей «вторых статей». По окончании выборов с кабацких голов и целовальников брали поручные записи за подписями избирателей и их духовных отцов. Потом приводили к присяге и заставляли целовать крест в знак честного исполнения обязанностей перед государством. Крестное целование проводилось 1 сентября — в первый день календарного года, как правило, в утренние часы. Согласно Соборному Уложению 1649 г., присягу на кресте могли давать люди, возрастом старше 20 лет. А. Олеарий описал процедуру крестного целования: «Берут крест, величиною в пядень, держат этот крест перед присягающим, и этот последний крестится и целует крест; затем снимают со стены образ и также дают приложиться к нему». Крест целовали трижды¹⁰. Во время целования произносилась клятва: «Яз (имя рек) целую сей святой и животворящий крест господень государю своему царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Руси на том, что быти нам у его государева и царева и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси дел на Городце, мне (имя рек) в кабацких головах, а нам (имя рек) быти с ним в целовальниках...»¹¹. Кабацкий голова и целовальники обещали служить с великим радением, не корыстоваться кабацким сбором, друзьям и родственникам поблажек в цене не делать, продавать вино «правдою», лишних денег не приписывать, «беспрестанно быть у кабацкого сбора».

Передача дел в кабаке происходила ежегодно в конце августа. С 1 сентября кабацкий голова освобождался от службы, передавая полномочия новому голове.

Показателем работы головы являлась годовая кабацкая прибыль. Если прибыль за текущий год была значительной по сравнению с прошлыми годами, то за усердие голову награждали ценными подарками — серебряными ковшами, братинами, сукнами.

Вступив в управление питейными делами, кабацкие служащие принимали от предшественников по описи разные запасы, имущество, приходо-расходные книги. В кабацкие книги ежемесячно записывались пивные и винные вари, медовые ставки, взятые на них запасы, фиксировалась продажа питей. Сначала записи делались на черном — «в кабацкие черные книги», а затем — «в кабацкие белые книги».

Голове вменялось в неперемнную обязанность, чтобы сбор доходов производился с прибылью против прошлых лет, следовательно, расходовать средства он должен был осторожно и экономно. В случае недобора денег приходилось возмещать ущерб. Если недобранная сумма превышала 100 рублей, то велось следствие, голову ставили «на правез» — ежедневно били палками по ногам на торгу, пока родственники и друзья не вносили за провинившегося «недоборных денег верного бранья» или не покрывали его от продажи имущества.

Однако, ни правез, ни смертная казнь, полагавшиеся за воровство и корысть по закону 1637 г., не пугали кабацких служащих, склонных к легкой наживе.

Нередко целовальников выбирали против их воли, заставляя целый год бесплатно работать на казну. Отсюда и злоупотребления служебным положением. Целовальникам нужно было кормиться, содержать семьи. Нужда заставляла их брать деньги на семейные надобности.

Целовальники наживались на продаже напитков в долг и на вынос, обманывали пьяных, приписывая им лишнее. Они давали пьяницам вино в долг по 20 алтын ведро, а в кабацких белых книгах писали за проданную водку меньшую сумму. Искушенные легким способом получить хмельное, без наличных денег, пьяницы запутывались в расставленных на них сетях. Когда приходила пора платить, то оказывалось, что расплачиваться нечем, тогда забирали имущество должников втрое дешевле настоящей цены. «Не то обида, что вино дорого, а то обида, что целовальник богатеет», — сетовали завсегдатаи Городецкого кабака. Они готовы были бить и увечить целовальников, насильством пить государево вино, не платить долгов.

Кабацкие головы и целовальники обогащались не только за счет долгового вина, но и с помощью утаенных хмельных напитков, чарочной продажи. Скрыть следы помогали «кабацкие черные книги», где листы могли вырезаться и вклеиваться¹².

Кабацкий голова отправлял деньги в Москву, в Нижегородскую (Новгородскую) четь, причем ехал туда не с пустыми руками, а непременно с подарками. Иногда кабацкая прибыль передавалась в столицу в числе других воеводских поступлений.

Служители кабака жили в ладу с воеводой. Для воеводы они устраивали обеды, приношения, подарки в царские дни. Успешность службы выборных кабацких людей во многом зависела от милостей воеводы. Он имел право проверять приходо-расходные книги, получать собранные с кабака деньги, которые хранились в церкви или в погребе — в крепком месте, «за вопчими печатями и за сторожею».

В кабаке довольствовались различные послы и некоторые должностные лица. По особым указам воеводы голова обязан был сдавать в местные церкви «кабацкий воск», оставшийся после выделки медов.

У кабацкого головы имелось немало забот: ставить и чинить постройки, арендовать амбары, закупать новые аппараты и необходимую посуду, сырье (рожь, овес, хмель), дрова, свечи, бумагу, нанимать работников. В числе работников были местные жители — городчане и крестьяне близлежащих деревень. Они работали винокурами, сторожами, гвоздарями, извозчиками, «пролубщиками». Извозчики развозили вино, пиво, поставляли лед для ледников, ярыжные кололи его, «пролубщики» кололи лед на реке. За провоз вина кабацкий голова платил извозщику с каждой бочки, за провоз меда и пива — с каждой бадьи¹³.

Все эти статьи относились к расходам на обеспечение функционирования кабака.

В то же время существовало множество неокладных кабацких доходов. Например, оброк с разных торговцев — пирожников, орешников, ягодников, приютившихся со своим товаром — «закусью» при кабаке.

Солидное пополнение кабацким доходам давали азартные (закладные) игры: зернь (кости), карты, яичный бой. «Верные сборщики» всегда имели к играм отношение: судили игроков, выносили свое решение, принуждали виновных к уплате проигрыша или штрафа. За участие в игре кабацкий голова и целовальники получали вознаграждение и с истца, и с ответчика. Азартные игры влекли в кабак игроков и любопытных. Каждое зрелище было благоприятной средой для продажи напитков. Нередко и сам голова принимал самое активное участие в игре, обыгрывая подвыпивших посетителей. Для любителей игры за определенную плату всегда находились и карты, и «кости».

Очень популярной среди Городецких питухов была игра в зернь — небольшие косточки с белыми и черными сторонами. Выигрыш определялся тем, какой стороной они упадут при броске. Более замысловатой являлась следующая игра: кости с цифрами кидали на особую доску, где был нарисован путь с числами, гуськами, постоянным двором, кабаком и темницей.

В кабаках же получили свое происхождение карточные игры («в пьяницу» и «в дурака»).

Нередко играли «в яйца»: чье яйцо при столкновении одно о другое разобьется первым. Это был «яичный бой». Игры сопровождалась ссорами, спорами, драками.

Другой статьей доходов кабацких служителей было корчемное вино. Корчемство царило по соседству с кабаком, нанося огромный вред «прибылям Московского государства». Тайные корчмы (ропаты) существовали как притоны пьянства, разврата и всякого бесчинства. Содержатели таких заведений нелегально получали вино в кабаке или тайно курили у себя для продажи. Вместе с вином в корчмах были игры, продажные женщины и табак¹⁴.

Корчемство преследовалось российским правительством, так как подрывало государственную монополию на производство спиртных напитков. Государство наказывало тех, у кого «корчму вымут», кто нелегально «на продажу вино курит» и тех, кто покупал вино помимо кабака. За корчемное вино с изготовителей полагался штраф «от пяти до двадцати рублей», а с питухов — от полуполтины до рубля с человека¹⁵. Иногда винокуров и продавцов корчемного вина сажали в тюрьму, а питущих людей «били кнутом на торгу», даже «ссылали в дальние города», «выносили им приговор о смертной казни»¹⁶.

Так закон запрещал «питие держати безъявочно». Людям, прикрывающим корчемство, также чинили наказание — били кнутом на козле на Городецком торгу¹⁷. Самых неисправимых корчемников полагалось в наказание привозить в Новую четверть, в Москву¹⁸.

Ежегодно городчане выбирали «меж себя десяцких» «для корчемные выимки»¹⁹. Кабацкий голова и целовальники также имели право захватывать с поличным корчемщиков. При этом они рисковали жизнью. Получив сведения о незаконной продаже, выборные кабацкие люди заявляли о том воеводе и получали от него необходимые людей для обнаружения виновных. Но иногда кабацкий голова и целовальники сами нарушали порядок и промышляли корчемным воровством.

11 августа 1652 г. по требованию патриарха Никона в Москве был созван собор по поводу кабацкого дела, резко ограничивший всякую продажу спиртного. В селах и городах появилось по одному кружечному двору²⁰. Целью указа, с точки зрения патриарха Никона, была борьба за очищение нравственности общества. Тем не менее, по словам А. Олсария, в московском государстве после 1652 г. функционировало более 1000 кружечных дворов, приносящих в казну от питейной продажи около 200 тыс. рублей ежегодно²¹.

Городецкий кружечный двор стоял на торгу, «на месте бывшей лавки Родки Федорова и полка Трошки Шашеринова, а лавка и полк сломаны». Так указано в описи 1672 года. При кружечном дворе имелись: «винокурная поварня с прудом, онбары, пивная поварня со всеми заводами». Со временем под разные помещения «кружчала» было отведено уже 35 лавочных и полочных мест. Так увеличивалась площадь, занимаемая кружечным двором²².

В 1684 г. голова Городецкого кружечного двора Сергей Усов вел большое строительство. При нем возвели «новую большую казну, амбар о пяти стенах, долговую избу с пристенком, амбар с обустроенным под ним ледником для пива, две пивные поварни, винокурню с винокурным ларем, работничью избу и нищую избу»²³.

Сергей Усов постарался тщательно оснастить питейное заведение. Он приобрел 2 «тчана» для пивных поварен, 9 котлов для государевой сытны, 2 куба, 16 труб, 10 «тчанов» бражных для винокурни, а также железные и медные котлы, 8 винных труб и 179 бочек. «Прибыль с кружечного двора збирал на веру Городецкой Верхней слободы крестьянин Родка Замятнин с товарищи»²⁴.

Вино, пиво, мед продавали на кружечном дворе чарками, кружками, а из винных амбаров — ведрами, полуведрами, оптом. Появился новый вид чарки объемом в три обычные чарки. Каждому посетителю продавали всего по одной большой чарке. Питухам не разрешалось подолгу сидеть в питейном заведении и даже близ него. «А ярыжком и бражником и зернником никому на кружечном дворе не быть»²⁵. Во время Великого, Успенского, Рождественского и Петровского постов, по воскресениям, средам и пятницам продажа вина запрещалась. Летом Городецкий кружечный двор начинал работу после обедни, с третьего часа дня, а запирался за час до вечера. Зимой, когда световой день невелик, работа «чарочного двора» ограничивалась вре-

менем от обедни до третьего часа дня. Таким образом, с появлением в Городце кружечного двора запрещалось уличное пьянство, устанавливались сроки продажи хлебного вина, меда и пива. В кружечном дворе, в отличие от кабака, запрещалась распивочная торговля вином. Вино продавалось на вынос ведрами, кружками, чарками²⁶.

По реформе 1652 г. потребление казенного вина несколько сократилось. Но народная трезвость выиграла немного, народ шел к корчемникам, дробил тройную чарку. Пьяницы, по-прежнему толпами сходились к кружечному двору и пили по целым дням²⁷.

С 1691 г. в Городецком кружечном дворе появились указные цены на водку, пиво, мед, утвержденные в Москве, в Новой четверти. В 1699 г. для сбора питейной прибыли вместо кабацкого головы учредили должность бурмистра, избравшегося всем Городцом. Бурмистр заведовал Городецким питейным домом, производил корчемные выимки. Он подчинялся Московской бурмистерской палате и совершенно не зависел от воеводы²⁸.

К началу XVIII в. кружечный двор в Городце сполна обеспечивал потребности местного населения в качественных товарах: сытном и ставленном меде, водке, пиве. Неслучайно Корнелий де Брюин сказал: «Водка здесь очень хороша», а «пиво вкусно и дешево».

Примечания

1. Государственный архив Нижегородской области (ГАО), ф. 2013, оп. 602-а, д. 16, л. 99.
2. СМЕРНОВ М.И. Нижегородские казенные кабаки и кружечные дворы XVII столетия. Действия НГУАК. Т.16, вып. 2. Н. Новгород. 1913, с. 10.
3. ВОЛКОВ М.Я. Ремесло и промыслы посадских людей города Гороховца (XVII — первая четверть XVIII в.). Промышленность и торговля в России в XVII — XVIII вв. Сборник статей. М. 1983, с. 72.
4. СМЕРНОВ М.И. Ук. соч., с. 18.
5. КОТОШИХИН Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. М. 2000, с. 228.
6. РЯБЦЕВ Ю.С. Хрестоматия по истории русской культуры XVI—XVII вв., М. 1998, с. 328, 327.
7. СМЕРНОВ М.И. Ук. соч., с. 10.
8. КОСТОМАРОВ Н.И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. М. 1992, с. 232.
9. СМЕРНОВ М.И. Ук. соч., с. 28.
10. Законодательные акты русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. Комментарии. Л. 1987, с. 143; Соборное Уложение 1649 года. Российское законодательство X—XX веков. Акты Земских соборов. М. 1985. Т. 3, с. 159, 318, 159.
11. СМЕРНОВ М.И. Ук. соч., с. 107.
12. Там же, с. 25.
13. Там же, с. 35.
14. КОСТОМАРОВ Н.И. Ук. соч., с. 232.
15. Соборное Уложение 1649 г. Т. 3, с. 252.
16. КОТОШИХИН Г.К. Ук. соч., с. 228; Соборное Уложение 1649 г. Т. 3, с. 254.
17. Там же.
18. КОТОШИХИН Г.К. Ук. соч., с. 133.
19. Соборное Уложение 1649 г. Т. 3, с. 257.
20. Там же, с. 439.
21. КОТОШИХИН Г.К. Ук. соч., с. 228; КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М. 1991, с. 125.
22. ГАО, ф. 2013, оп. 602-а, д. 16, л. 99; д. 26, л. 51—52 об., 127 об., 133 об.
23. Там же, л. 143, 142 об.—143 об.
24. Там же, л. 143.
25. СМЕРНОВ М.И. Ук. соч., с. 105.
26. КОТОШИХИН Г.К. Ук. соч., с. 228.
27. КОСТОМАРОВ Н.И. Ук. соч., с. 232.
28. СМЕРНОВ М.И. Ук. соч., с. 133.